

СОДЕРЖАНИЕ

Дарина Стрельченко ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ.....	5
Родион Вишняков РОКОВОЙ КЛАД.....	25
Рина Солнцева СЕСТРИЦЫ.....	41
Ольга Рейнардин КАМЕНЬ БОЖЬЯ СТОПОЧКА.....	59
Натали Исупова БОЖЕДОМКА	91
Оксана Заугольная РУСАЛОЧЬЯ БЛАГОДАРНОСТЬ	107
Наталья Русинова СЛОВО МОЁ ЦАРСКОЕ.....	123
Ирина Невская ПЕРЕВЁРТЫШ	137
Саша Нефертити Я ПОСТИРАЮ.....	165
Лариса Тихонова ПРОДАННЫЙ	181
Александр Егоров ГОРИЦВЕТ.....	215
Мария Роше ДАР.....	229
Диана Чайковская РУСАЛИЙ ВЕЛИКДЕНЬ	249
Анна Танатос ЗОВ РЕКИ	271
Елизавета Дворецкая ОГОНЬ ОТ ОГНЯ.....	321

Дарина
Стрельченко

**ВОРОБЬИНАЯ
НОЧЬ**

УМЕЛЕЦ ПО ЛОЗЕ

— Семик¹, Семик, Троица, пресвятая мать Купальница, ты на чём приехала?² — запевала Гордана.

— На овсяном зерночке, на оржаном колосе! — подхватывала Лесана.

А умелец по лозе слушал, поглядывал да молчал, только пальцы шевелились, будто птицу невидимую ласкал или на свирели подыгрывал.

— И откуда ты явился такой, ничего-то не знаешь? — сокрушались девки. Поглядывали смешливо, а между делом подсаживались поближе, рассматривали чудных птиц из лозы, что привёз умелец.

— Русалки нынче выходят из воды, ходят по земле. Осторожней будь, Тихомир, к реке не ходи, не то приглянешься мавке, девицей обернётся, закричит, заплачет... Обернуться не успеешь, как очутишься на дне, в доме батюшки русалочьего...

— И в лес не ходи, Тихомирушка, и коня своего туда не води, из озёр лесных не пой...

— А мы тут ни шить, ни полоскать не станем...

¹ Семик — восточнославянский праздник в период Зелёных святок.

² Старинная народная песня, связанная с Семиком (Зелёными святками).

— А парни наши нынче ни пахать, ни копать не будут. Нельзя это нынче, земля живая, тонкая, копнёшь — вдруг и выйдет наружу что-то, что не должно...

Агриппа понизила голос, и остальные притихли. Верёнку мать кликнула: тесто подошло. Жаль было уходить, оставлять Тихомира с девками, да как матери перечить, особенно после прошлого...

О чём ещё говорили, не слышала, а когда вернулась с киселём да яйцами, чернобрового Тихомира уж всюю на кумление зазывали.

Верёнка поставила жбан на окно, упёрла руки в боки:

— Никак ума решились? Парня? Кумиться? Вот уж нет!

— Отчего ж нет? — чуть не впервые подал голос умелец. Глянул на неё из-под кудрей, руки мозолистые, глаза золотистые, что лоза, из которой плёл он дивных птиц, цветы, крохотные лодочки-челночки.

— Оттого, что девки кумятся, венки завивают, — ответила Верёнка, разливая кисель, — а парни вола водят. Нечего им на берег ходить, заложных тревожить.

Снова притихла горница. Ветерок пролетел от окна, колыхнул волосы, словно восточку нёс от не изживших своего века.

— Русалки-то ведь и есть заложные, — вздохнула Ждана, ведя рукой, словно лебедица крылом. Бросила на Тихомира печальный взгляд: — Горемычные...

— Отчего ж они нынче выходят?

— Оттого, что тяжко им. В церкви не отпеты, земля их не принимает, — протяжно сказала Фёкла. — Говорят, нечистому служат... Только в Семик их поминать можно, Семик — их душам отрада. Вот и выходят потешиться.

- Нынче воробьиные ночи, — добавила Снятава. —
Гроза будет...
- С зарницами, с бурями воробьи вылетают, чирикают, — напевно затянула Аглая. — Ночка пёстрая становится, будто сам воробей, а ещё, говорят...
- Хватит уж страх нагонять, — оборвала Верёнца. —
Кумиться идти пора!

* * *

*Берёзонька белая,
Берёзонька кудрявая
На чём приехала?*³

Лёгкий, скользящий шаг. Пальцы летят по ветвям, перебирают невесомо зелень, ленты, косы подруг... Хоровод да заклички, шёпот да смех. А шёпот мешается с шумом листвы, смех плывёт в туман, молкнет там, отводит русалок.

*На ковре, на золоте,
На атласе, на бархате.*

Девки вынимают яйца да мёд, украшают берёзу цветами, спрашивают ласково друг у дружки: будешь ли мне кумой?
А берёзку спрашивают:

У кого же ты гостила?

Молодые ветки оборачиваются венками, звенят медные крестики-тельники, целуются Фёкла с Аграфеной, Ждана со Снятавой через венок, становясь кумами, шепчут друг другу:

³ Песня-величание семицкой берёзки.

Воробьиная ночь

— *Вы, кумушки, голубушки, сестрицы мои,
Вы кумитесь, любитесь, любите меня.
Пойдёте вы во зелен сад — возьмите меня.
Сорвёте вы по цветику — сорвите и мне.
Совьёте вы по венчику — совейте и мне⁴.*

А берёзка отвечает:

— *У отца, у матери,
У роду, у племени,
У красных девушек.*

Кумы садятся под деревом, под широким венком, едят яйца, журавли ходят на берегу, а в тумане поют русалки, тихие, страшные, беспокойные:

— *Хотят берёзоньку срубить
И её в речке утопить.*

Ветки мелькают, расходятся, берёза кружится и на миг показывает девкам Тихомира, глядящего заворожённо меж листьев. Стоит он вдалеке, возле городьбы из валежника, но и с берега ясно: совсем околдован. А ветер приносит блеск его глаз, быстрокрылые воробьи трещат, что мнёт в пальцах умелец ветвь лозы, и превращается эта ветвь в его руках в птицу, в солнце, в лунницу или ключик, в крыло, в папоров цвет и в саму судьбу.

* * *

Ушли девки, успокоилась речка, русалки убрались восво-
яси до ночи. Только Тихомир ходил по деревне сам не свой,
теребил в пальцах лозу, всё посматривал на Верёнку.

⁴ Народная обрядовая песня, связанная с Зелёными святками.

Та подумала уж, поди, глаз положил, да не таков был этот умелец, не позарился ни на одну из девок, а ведь до чего Агафья красна, до чего Ждана добра да щедра, до чего Аглая улыбчива, белокожа...

— Верёнца. — Стук в окно, шёпот, лунный лик в стёкла.

— Ах ты дурень! Кто ж в Семик по ночам в окна стучится к людям добрым?!

— Отведи меня к русалкам.

— Че-его?..

— Отведи меня к русалкам, Верёнца. Повидать их хочу.

— Совсем ополоумел? На что тебе на русалок смотреть?

— Фигурки потом сплести...

— А чего ко мне явился?

— А кроме тебя никто не отведёт. Струсят. — Сверкнули во тьме глаза. — Если согласна, выходи к овину...

Ругая себя — что удумала, ох, что удумала! — Верёнца прокралась к овину. Под ноги стелилась мягкая молодая трава, шептались над головой Стожары и Божья Дорога⁵, а она всё думала: неужто на глаза золотые, на улыбку застенчивую идёт? На то, что не к другой какой девке пришёл, хоть и ластились к нему, а к ней?

Но больно уж батюшка при себе крепко держал; больно уж матушка горевала. Хоть на ночку хотелось вырваться.

— Тут я.

Верёнца аж подпрыгнула. Шёпотом выдавила:

⁵ Стожары и Божья Дорога — названия созвездий: Плеяды и Млечного Пути.

— Чтоб тебя леший взял — так пугать! Самому-то не боязно на реку идти?

— Не-е, — протянул Тихомир, запрокинул голову, считая звёздочки над избой. — Я давно на мавок поглядеть хотел — за тем и пришёл. Сама-то не испугаешься?

Верёнца только головой качнула — коса из стороны в сторону мотнулась. Передразнила:

— «Поглядеть хотел»! Ишь! Отведу тебя к берегу, так и быть, а дальше и шага с тобой не сделаю.

Тихомир согласно кивнул, и Верёнца прищурилась:

— Ну а ты мне что? В ответ?

— Я тебе оберег сплету, — сказал Тихомир. — Ровно живой будет.

Верёнца припомнила горлиц и дивные цветы из лозы, что прятались у Тихомира в корзине; вспомнила, как ахали девки. Купить-то недёшево будет, не у каждой батюшка на такое монеты даст. А подарочки, которыми одарил Тихомир хозяйек да девок, — умелые, да маленькие совсем, простенькие: коробок али колобок. Оберег — другое дело. Если бы уговорить его лунницу сплести...

Верёнца махнула косой. Подобрала выбившиеся волосы под очелье, велела:

— Ишь какой... Ну, не шуми смотри! Мать проснётся — погрознёй русалочьего батюшки будет...

— Как скажешь — так и сделаю. След в след за тобой пойду.

...Быстро зашагали они по уснувшей Окóвине. Молодые берёзки клонили ветки, царапали по голым рукам. Листья путались в волосах, ветер поднимался, бросал в лицо пыль и щепки. Ни в одной избе огня не горело, и всюду у поро-

гов поблёскивали в лунном свете лён и полынь. Как и все, ходили оковинцы в церковь, а от мавок полынь сушили, носили кресты, а детей нет-нет да и старыми именами называли — теми, что ещё предки носили, Перуну поклоняясь. Выбрались за околицу. Ржаное поле темнело вдали, белели берёзовые стволы, гудели клёны. Воробьи притаились перед грозой.

Шли к реке краем поля. Шевелилась рожь, будто бродил в ней кто. Тонкий колосок хлестнул по коленке, Верёнца отскочила, вцепилась Тихомиру в запястье.

— Что ты?

Шепнула:

— Пока жито цветёт, русалки в жите ходят... А воробьи слетятся — нечисть судить станут...

Обняла себя руками, растёрла в пальцах полынный листочек.

— Пошли, что ли, дальше... Ближе уже... Да тихо, смотри...

Вот и рожь кончилась, и облака разошлись — обливала луна светом умельца-чужеземца и девку, что в неверный час неверного человека вела туда, где никому бы в этот час быть не надобно...

Звёзды плыли в мелкой волне, перлами посверкивала роса в жите, блестела на листьях. Туман поднялся густой, гулкий — да унялся тут же. Тихомир отвёл рукой ветку — и вышли к Саженьке.

Тенями промелькивали на том берегу русалки.

Умелец встал, зачарованный, да так и не шевелился, будто не дышал. Будто глазами пил реку и смутные фигурки за тёмным ночным стеклом. Потом принялся водить руками, будто из воздуха, как из лозы, плёл: гнул, гладил.

Воробьиная ночь

— Мир живой... Ты не потревожь его ненароком, — испуганно шепнула Верёнца.

— Да уж не потревожу...

В глазах его отражалась луна, и вспыхивали искры, как будто заложные покойники плескались в самом глубоком море, зажигая негреющие огни.

ЗИМА

Время и малые, и великие скорби лечит, летит паутинкой по осени, по зиме накрывает тревоги снегом. Своим чередом катилось в Оковине колесо года, ткалось полотно жизни. Проводили Русальную неделю, встретили лето, осень выдалась щедрая, ягодная, за нею зима пуховая, а следом и весна с таяньем, с лебедями...

Доходили до деревни вести, мол, умелец давешний из лозы принялся не птах да цветы плести, не корзины да коробка, а берёзы с русалками. И до того они любви прихлились народу, что на каждый торжок возит теперь умелец «мавочек да берёзоньки» — разбирают, как пряники горячие из печи.

Судили, рядили, их ли это умелец или другой какой. Да кто его знает! Есть ли кому до него дело, когда у самих хлопот полон рот: дом, скот, шитьё да прядение, вечерки да колядки...

А Верёнца, слыша это, всякий раз вспоминала, как возвращались они воробьиной ночью в деревню, как шёл Тихомир, будто морок кто на него накинул. Как утром, чуть не до свету, явился к ней, протянул куколку на ладони:

— Вот тебе обещанное.

Верёнца поглядела, и почудилось спросонья, что куколка живая, золотятся волосы облаком, сарафан трепещет, глаза горят. Такая была красота, что в руки взять страшно. И тянуло от куколки тревогой ночи: словно платой была за то, что отвела чужака к реке. Запоздалой платой: сделано уж было дело.

Воробьиная ночь

— Спасибо тебе, умелец, за оберег чудный, да уж больно хорош, дороже стоит, чем мавки ночные... — Сказала, а у самой сердце сжалось. — Продай на торжке.

Тихомир не стал спорить — спрятал куколку, сверкнули глаза, и поминай как звали.

Верёнца весь день промаялась, и не то русалки, не то воробьи в уши нащёптывали: зря, зря... от берегов, девица, не отказываются, береги, девица, не напрасно дарятся...

А по деревне водили хороводы, девки смеялись, свирель Тихомира звенела: то и дело под окнами раздавались говор и песни.

А воробьи да мавки всё шептали в уши: зря, ох зря! Отмахивалась Верёнца, отговаривалась, пряталась за делами, а к вечеру не выдержала, побежала в избу, где умелец на постой встал.

— Здравствуй, Анисья! Не дома ли умелец, что у тебя гостует? Коли дома — позови, перемолвиться надо.

В другое время сказала бы такое и вспыхнула: ишь ты, к парню явилась, чужаку, словом зовёт перемолвиться! Но сейчас не до того было, беспокойно было на сердце, рябь шла, будто дул по реке ветер.

— А нет уж умельца, — развела руками Анисья. — Был да ушёл. Солнце ещё на закат не повернуло, а он уж собрал короба свои да попрощался. Гляди, какую диковинку за постой оставил...

Протянула Верёнце птичку из лозы — ровно живую: перья лёгкие, чуть не прозрачные, подуешь — трепещут, глаз глядит — будто в душу смотрит.

— Славный умелец, — вздохнула Анисья, — да, видать, умение его дурную цену взяло: шепутной он, странный. Перед тем как уйти, знаешь, что учудил?

— Что?..

Птица из лозы обожгла Верёнце ладонь, будто это уголёк из печи был, а не ивовый стебель.

— В реке искупался. — Анисья перекрестилась. —
В Клечальную-то⁶! А после его никто и не видел.
Пропал, поди, парень. Утащ-щат русалки...

«Пропал парень».

Слова отдавались в мыслях, пока тяжело возвращалась Верёнца в избу. Как бы и она заодно с ним не пропала — купаться-то не купалась, но у Саженки вместе были... Но шло время, лечило скорби, укрывало тревоги — вот уж и забыла Верёнца думать о златоглазом Тихомире да живой куколке. Только изредка, в тёмную полночь, когда молния колола небеса над избой али густой снег заметал свет, — вздрагивала.

Но чем ближе весна была, чем ярче солнце светило, тем легче на душе становилось. Скоро уж новая Русальная неделя, новые воробьиные ночи — наберёт Верёнца лучшего мёду, лучшего хлеба, самых крупных яиц достанет, отдаст матушке-земле у реки. Берёзам вплетёт самые красивые ленты — прощенья попросит. Русалкам шепнёт, что не со зла, не подглядывать чужака привела, а по глупости, по незнанию своему, потому, что очень уж лунницу хотелось на защиту после того, как сестрёнку меньшую медведь задрал... Да и трепыхалась, жалила огоньком надежда: ну как её, сестричку, на другом берегу увидит?

...Но шли дни, разлилась уж весна всюю вокруг Оковины — а в самой Оковине земля и не думала просыпаться. Похмыкивали сначала оковинцы, в затылках чесали, будили землю, как умели, а потом и крепко тревожиться начали: что за беда явилась?

Всюду уже берёзки шелестят, клёны наливаются силой, а в Оковине и травы не видать: сухая земля, листья с прошлой осени да иголки. Как такую пахать, как сеять?

⁶ Клечальная — одно из названий Зелёных святков.

Воробьиная ночь

Лес шуршал старой листвой, а река молчала.

Смурные ходили оковинцы. Жаворонков из теста пекли, костры разводили, весну закликали на все голоса — всё тщетно, ни травинки не было на земле. Решили ехать в соседние Чутыри́ за помощью и советом. Путь туда через торжок шёл — на котором, болтали, умелец фигурки свои показывает.

Верёнца упростила отца взять её с собой. Не на месте было сердце. Не с кем было поделиться, некому душу облегчить — такое ведь и куме сказать страшно: что накликала беду на родную землю...

А река молчала, хрустели листья, сухие, тяжёлые, и земля тяжко ворочалась, словно снился ей дурной сон и никак она не могла очнуться.